

2003-23-26.жзл-с.20

При жизни Леонида Иовича Гайдая о его фильмах писали много, а о нем самом — почти ничего. Это вполне устраивало режиссера, который не любил шума вокруг своей персоны. Теперь особенно ценна каждая подробность его биографии

Гайдай и его актеры

Гайдая
в детстве

26.01.03

Отец Леонида Иовича служил на Амурской железной дороге. В поселке Алексеевске, который после революции был переименован в Свободный и под этим именем вошел в историю СССР (и особенно в историю ГУЛАГа!), он встретил свою будущую жену. В семье родились трое детей, младший — Леонид. Когда ему было восемь лет, семья переехала в Глазково — пригород Иркутска.

На улице Касьянова, недалеко от высокого берега Ангары, до сих пор стоит деревянный дом по номеру 25. Он был построен Гайдаем-отцом. Высокие потолки, широкие, светлые окна, сад, уступами спускающийся с горы. Лес и рыбные места — рукой подать, у стрелки Ангары и Иркутта, ее притока. И хотя от берега до берега почти восемьсот метров, когда-то Гайдай, отчаянный парень, переплывал Иркут в самом широком месте.

Он скатывался на лыжах с ангарских и иркутских берегов. Умел кататься и на коньках. Не только на двух, но и на одном. Так можно было очень быстро успевать в школу: одной ногой, обутой в «железку», скользить вперед по льду, отталкиваясь другой. (А на школьном дворе снять конек, забросить в сугроб, где он пролежит до конца занятий.)

Леонид Гайдай учился в железнодорожной школе № 42. За дисциплину ему порой попадало. В первый же день учебы, посаженный за первую парту, он вытянул свои длинные ноги, уперся ими — и давай помаленьку двигаться вперед вместе с партией, пока не дополз до доски. А за ним — остальные первоклассники. Еще Леня Гайдай нередко дрался, не боясь связываться со старшими.

Зато он не обидел ни одной кошки, ни одной собаки, ни одной птицы — сколько бы их не жило при доме. Вот только лошадь одна немного пострадала... Но это был, скорее, не зоологический, а музыкальный инцидент.

В семье все любили музыку. Оркестровые записи так нравились младшему Гайдаю, что он однажды попросил:

— Мама, купи мне, пожалуйста, скрипку!

Но в Иркутске детских скрипок в продаже не оказалось. Не беда! Гайдай к тому времени

щения инструмента. С ним Леня отправился поступать в музыкальное училище. Не поступил. Но винил себя, а не скрипку: «Тогда мне и Страдивари не помог бы!».

Тогда вся страна смотрела «Чапаева». Леня тоже смотрел. Но гораздо больше ему нравились фильмы Чарли Чаплина. Гайдай приходил в кино на самый первый сеанс. Покупал билет, смотрел картину, а по окончании ее прятался между рядами, пока фильм не начинали крутить снова. И сколько раз крутили — столько раз смотрел.

Ближе к окончанию школы Леонид Гайдай увлекался театром, записался в кружок при городском Доме культуры. Туда надо было добираться через весь го-

ра сатиры. На местной сцене заблестали Хенкин, Тусузов, Поль, Слонова, Курихин, Доронин, Грузина, Лепко, Пугачева, Кара-Дмитриев. То была первая его школа!

Потом пришла повесть, и Гайдай оказался... в Монголии. Братская страна снабжала нашу Красную армию лошадьми, а за ними надо было ухаживать и обезджывать их. (Длиннонослый Гайдай на мохноногой коренастой монгольской лошадке — увидеть бы такое фото! Увы, фото нет, его можно только вообразить.) А осенью сорок второго года война началась для призывника по-настоящему. Гайдай стал сержантом батальона пешей разведки 381-й стрелковой дивизии Калининского фронта.

чик взмолился: «Ребята, а можно как-нибудь так, чтобы не отрезать? Я артистом быть хочу...».

Просьба была неосуществима. Но, видно, ангел-хранитель этого бойца пустил в ход все свое влияние на небесах. В Иркутск Гайдай вернулся с обеими ногами, хотя и на костылях. В 1944 году он стал студентом театральной школы при Иркутском драматическом театре.

После театральной школы Гайдай сразу получил множество ролей в спектаклях по пьесам Чехова, Корнейчука.

«В Иркутском драматическом был мой первый режиссерский опыт. В «Госпоже министре» я ставил сцену драки. Понравилось. Решил учиться этому делу, поехал в Моск-

РОЖДЕННЫЙ В СВОБОДНОМ

30 января 2003 года Леониду Гайдаю исполнилось бы 80 лет

Дом в Глазкове

уже был пионером и ежемесячно получал по подписке журнал «Пионер».

Где он и нашел рекомендации, как самому сделать скрипку. Высушить еловые дощечки, выпилить их по чертежной форме, прорезать эфы в верхней деке, склеить, укрепить гриф — все это мальчик сумел. Оставалась единственная проблема — струны, они должны быть волосными. Вот тогда-то потребовалась лошадь.

Своей не было, но у соседей имелась смиренная кобылка сивой масти. Половины ее хвоста хватило юному умельцу для осна-

род. Особенно впечатляла зимняя дорога — по гулким промерзшим деревянным тротуарам, под низкими ветками деревьев в густом неосыпающемся инее. Беги и повторяй:

— Быть или не быть? Вот в чем вопрос!

18 июня 1941 года — его выпускной вечер. Через четыре дня он с одноклассниками пошел подавать заявление в военкомат.

Но в армию тогда призывали с девятнадцати лет. И Гайдай стал рабочим сцены в Иркутском драматическом театре. Летом 1941 года в Иркутск была эвакуирована труппа Московского теат-

был сполна вознагражден за упорство: в новом учебном году руководителем их курса стал народный артист СССР Григорий Васильевич Александров. Мэтр объявил, что курсовую мастерскую решено сделать комедийной, при том, что «комедийный профиль не обязателен для всех студентов. Вскоре после прихода Г. Александрова Гайдай стал все заметнее выделяться среди других студентов. Первым из выпускников курса поставил самостоятельный фильм.

После дебютной ленты «Долгий путь» по повести В. Короленко, отнюдь не юмористической, Гайдаю было предложено поставить комедию. И он ее поставил. С Ростиславом Плятовым и Георгием Вициным в главных ролях, под названием «Жених с того света». И узнал на собственном опыте, как прав был польский писатель Станислав Лец, сказавший: «Сатира никогда не сможет сдать экзамен — в жюри сидят ее объекты». Гайдай попал в самую гущу этих объектов и в завершение всех испытаний услышал от министра культуры А. Михайлова: «Вы у меня партбилет на стол положите за такое кино!». В итоге эта покаянная картина была размножена всего в двадцати копиях и до широкого зрителя не дошла.

«Хватит. Комедию я больше снимать не буду», — сказал Гайдай. А в душе он был готов к тому, что ему не только комедию — вообще ничего не дадут снимать. Решение об искупительной жертве за него принял И. Пырьев: «Тебя спасет историко-революционный фильм. Подожди, я подыщу сценарий». Так появился на свет

Комедиограф оказался пророком, предсказывающим назад. Чем дальше мы от эпохи Гайдая, тем грустнее его веселые фильмы

За кадром народного фильма «Бриллиантовая рука»

«Трижды воскресший» фильм о подвигах волжского теплохода-буксира в Гражданской и Отечественной войнах. Это была не самая плохая картина, но можно понять, почему режиссер постарался забыть о ней как можно скорее.

Наконец, с 1961 года имя Гайдая стало приобретать все более широкую известность. Вышел «Пес Барбос и необычный кросс», за ним — «Самогонщики». В 1963 году — «Деловые люди», три киноновеллы по рассказам О'Генри.

Ни один фильм Гайдая не вышел на экраны просто так. «Кавказскую пленницу» спасло настоящее чудо. Когда в Министерстве культуры уже почти приговорили фильм к невыходу, Леонид Ильич Брежнев захотел субботним вечером посмотреть какую-нибудь новинку. Обслуга генсека знала, что больше всего он любил комедии. И вот с утра пораньше в понедельник министр вдруг услышал в трубке голос «самого главного», который захотел передать свою личную благодарность создателям фильма...

В «Бриллиантовой руке» режиссер, не надеясь, что чудо повторится, поставил обманный «манок» — вмонтировал в финал документальные кадры с... атомным взрывом. На все недоуменные вопросы коллег отвечал одно: «Это — напоминание о серьезных вещах, примета нашего беспокойного времени».

Естественно, у ответственных товарищей такая «примета» вызвала полный ступор. И когда Гайдай отказался вносить правку в картину, «отдав» комиссии только атомный взрыв, все согласилось, что к остальному, уж так и быть, можно не придираться.

Гайдаю доставалось не только от идеологов, но и от киноведев. За «животный смех» в его картинах, за балаганность жанра. Но кто-то из критиков недавно с удивлением отметил, что фильмы Гайдая «умнеют» с годами. Не в том смысле, что когда-то они были глупыми. А в том, что было в них, оказывается, много больше того, что виделось нам, взхлеб смеющимся.

Вряд ли Гайдай ставил перед собой такую цель — бичевать и перевоспитывать. Он снимал комедии потому, что сам иначе не мог. Но получилось, что заодно он всех нас невольно и понемножку переучивал из «совков» в нормальных людей.

А мы — поддавались, не замечая этого. Но зато с каким удовольствием!

● Валерий ИВАНОВ, Мария ПУШКОВА
Фото из архива Н.П. ГРЕБЕШКОВОЙ